

Наплакавшись, Тан Буфань ощутил, как внутри разгорается стыд за свою минутную слабость. Он сердито стер рукавом мокрые дорожки с лица и уставился припухшими, воспаленными глазами на висевшую на веревке одежду.

— Пойду сниму постель, — пробормотал Тан Буфань.

Он отложил в сторону железный шампур, накинул на плечи легкую рубаху, которую заботливо припас для него Лу И, и в колеблющемся свете костра направился к бельевой веревке.

Лу И подбросил в жаровню сухих веток кустарника.

«Завтра нужно обязательно набрать дров, — подумал он. — Пока стоит лето, надо запастись хворостом по максимуму, а то зимой его днем с огнем не сыщешь»

Прежде Лу И жил в Западной Федерации, где зима заявляла о своих правах уже в конце октября. Восточная Федерация же отличалась знойным климатом; оказавшись здесь впервые, юноша толком не понимал, когда ждать заморозков. Но в одном он был уверен: запас дров лишним не бывает.

Лу И обернулся к Тан Буфаню, который возился в темноте с бельем. Мужчина казался совсем хрупким, тонким, а его кожа всегда была прохладной на ощупь. С таким слабым здоровьем он наверняка жестоко мерз от малейшего сквозняка.

Быстро расправившись с остатками крольчатины на шампуре, Лу И поднялся со стула навстречу холодному дыханию пустыни и принялся помогать Тан Буфаню заносить вещи. Оставлять пожитки снаружи на ночь было опасно — в темноте к лагерю могли стянуться голодные хищники.

— Занесем пока внутрь, а завтра я все разберу, — Тан Буфань, прижимая к груди охапку одеял, направился к фургону и кивком указал Лу И на дверь. — Сложи все прямо за перегородкой кухни.

— Хорошо.

Еще днем братец Кай полностью опустил заднюю рампу фургона, превратив ее в удобный пандус, так что работа спорилась. Всего за полчаса они в два смычка перетащили скопившийся скарб внутрь и свалили его в хвосте жилого отсека.

Братец Кай задраил грузовой люк, а Лу И принялся складывать расставленные у жаровни стулья. В это время Тан Буфань, зябко кутаясь в длинные рукава легкой рубахи, замороженно всматривался в очертания заброшенного магазинчика неподалеку. Любопытство раздирало его изнутри — совладать с соблазном было решительно невозможно.

— Погоди тушить угли, давай сперва заглянем в магазин, — Тан Буфань потянул Лу И за рукав.

— Вы разве не устали? — мягко спросил тот.

Они без продыху вкалывали с самого утра, да и время уже давно перевалило за их привычный час отбоя.

Усталость и впрямь валила Тан Буфаня с ног, но таинственный магазинчик манил слишком сильно. Если не заглянуть туда хоть одним глазком, он до утра будет ворочаться без сна.

— Да мы на минутку, только одним глазком взглянем, — Тан Буфань сунулся было в фургон за фонариком, но тут же досадливо крикнул: задняя часть салона была забита вещами под завязку, и коробка с инструментами оказалась погребена где-то на самом дне этой горы.

Наблюдая за его тщетными поисками, Лу И негромко рассмеялся. Он потянулся к жаровне, ловко выудил из нее обугленную, но еще ярко тлевшую ветку кустарника и протянул Тан Буфаню.

— Там внутри должны быть масляные лампы, — заговорщически подмигнул юноша. — Зайдем и зажжем их.

Тан Буфань просиял. Спрятав озябшие пальцы в неприлично длинные рукава чужой одежды, он поспешил за Лу И.

Наряд Тан Буфаню достался с плеча Эберрона. Богатырь ростом под два метра шил вещи на себя, так что на хрупком учителе рубаха висела мешком. Однако ослабленный болезнью организм Тан Буфаня теперь пасовал перед малейшим холодом, и просторный фасон пришелся как нельзя кстати: в него можно было уютно укутаться, спрятав ладони по самые локти.

— Учитель, если вам холодно, можете обнять меня, — предложил Лу И.

Он ласково посмотрел на мужчину, сжавшегося от порыва ночного ветра. Длинные, гладко вымытые черные волосы Тан Буфаня рассыпались по плечам, мерцая в темноте мягким шелком.

— Обойдусь, — шутливо фыркнул Тан Буфань, послушно шагая следом к полуразрушенному строению. — И вообще, не боишься, что я в тебя влюблюсь от такой заботы?

— Но вы же, кажется, убежденный натурал? — парировал Лу И.

— Ну, это не помешало мне тебя поцеловать, — хмыкнул Тан Буфань. Припомнив, как забавно округлились глаза юноши в тот момент, он не сдержал тихой усмешки. — К тому же ты ужасно

милый. Совсем не то что угрюмый дядя Волк.

— Вот теперь мне и впрямь становится не по себе, — с напускной тревогой отозвался Лу И.

Тан Буфань легонько хлопнул парня по крепкому плечу скрытой в длинном рукаве ладонью и весело рассмеялся:

— Да расслабься ты. Если придется выбирать между тобой и возможностью вернуться в мое время, я без колебаний выберу дом.

По мере того как они отдалялись от костра, мрак становился все гуще. В темноте зрачки Лу И слабо мерцали потусторонним животным блеском, Тан Буфаню же, лишенному звериного зрения, каждый шаг давался с трудом. В какой-то момент, окончательно перестав различать дорогу под ногами, он все же выпростал пальцы из просторного рукава и робко уцепился за край майки своего спутника.

Лу И успел переодеться в старую черную майку дяди Волка. Застиранный и изрядно растянутый, на его крепкой, уже вполне сформировавшейся фигуре она сидела на удивление ладно.

— Осторожно, впереди ступени, — вполголоса предупредил Лу И.

— Разглядел вроде, — Тан Буфань изо всех сил сощурился, пытаясь угадать в зыбком сумраке неровные очертания порога.

Они шагнули под своды погруженного во мрак магазинчика. Лу И осторожно довел спутника до окна и с помощью едва теплящегося уголька на ветке зажег стоявшую на подоконнике масляную лампу.

Крохотный огонек нерешительно затрепетал, разгоняя душную темень. Тан Буфань завороченно уставился на фитиль и вдруг с изумлением обнаружил, что старая латунная лампа по форме точь-в-точь походила на волшебный светильник Аладдина.

Передав светильник спутнику, Лу И вернулся к порогу и швырнул догоревшую ветку наружу. Она глухо упала на сухой песок, и последние искры мгновенно угасли в темноте.

Тан Буфань поднял повыше тусклый светильник и с неподдельным восторгом огляделся по сторонам.

Посреди небольшого зала тянулись ряды покрытых ржавчиной стеллажей. Никакой еды здесь, само собой, не было, зато полки буквально ломились от занятых безделушек. Последние два ряда и вовсе напоминали сувенирную лавку из его далекого прошлого: запыленные стеклянные шары со снежинками, старые музыкальные шкатулки со слегка потертыми

хрупкими балеринами и сколотые фарфоровые фигурки.

— Неужели все это стащили сюда токсичные люди с заправки? — Тан Буфань подошел ближе, чувствуя, как на душе становится щемяще-тоскливо.

Для выживания в суровом мире эти побрякушки были абсолютно бесполезны. Но тот, кто бережно собирал и расставлял их здесь в разгар бесконечного кошмара, должно быть, обладал удивительно чистой душой.

Этот безвестный собиратель отчаянно цеплялся за крупички прежней красоты, пытаясь жить, а не просто выживать.

Лу И бесшумно пристроился рядом, чутко уловив перемену в настроении спутника.

Тан Буфань бережно снял с полки стеклянный шар с искусственным снегом. В его темных глазах отразилась глубокая печаль.

— Похоже, те токсичные люди не врали... Отец и впрямь стал для них спасителем. Подарил им надежду на нормальную жизнь посреди этого кошмара.

Лу И промолчал. Во время ежегодной практики в диких землях истребление токсичных людей было для него рутиной. Они нападали на мирные поселения, и в его картине мира уничтожение монстров всегда оставалось актом справедливости.

— Пусть даже здешние токсичные люди обрели подобие разума, они все равно остаются смертельно опасными монстрами, — ровно произнес Лу И.

— Но на заправке они ведь не тронули нас, — возразил Тан Буфань, в чьем голосе сквозило смятение.

— Верно. Только потому, что я нанес удар первым, у них не появилось шанса разорвать вас на части, — Лу И нахмурился, заметив, как в глазах спутника заплескалось чувство вины. Ему претила эта опасная, неуместная жалость. — Учитель, неужели вы забыли, что эти твари вытворяли с вами в больнице? — жестко спросил юноша, заглядывая ему прямо в душу. — Забыли того несчастного, из которого сделали живой донорский резервуар? Если бы не я, вас точно так же вздернули бы под потолком, отрубили конечности и выкачивали бы жизнь капля за каплей. Поэтому...

Он осторожно, но твердо забрал из рук Тан Буфани стеклянный шар, заставляя его очнуться:

— Забудьте о милосердии. Если хотите добраться до Подземного города Восточного округа живым, вы не имеете права играть в рулетку со смертью.

В этом истерзанном мире жалость — непозволительная роскошь, доступная лишь безупречно сильным. Сам Лу И еще мог позволить себе проявить великодушие к токсичным людям, но для Тан Буфаня сострадание было равносильно самоубийству. Оно лишь давало токсичным людям шанс нанести удар в спину.

Тан Буфань растерянно уставился на юношу, но мгновение спустя морок рассеялся, и его взгляд вновь обрел былую ясность. Он сокрушенно покачал головой:

— И то правда... Сам ведь без конца твержу тебе принимать звериный облик ради защиты, а тут расклеился, как мальчишка, поддался глупым чувствам. Ты прав, чертовски прав. Моя безопасность сейчас — превыше всего.

Лу И с облегчением выдохнул. Окинув взглядом унылые стеллажи, он заметил:

— Пожалуй, ловить тут особо нечего. Никаких ценных припасов.

— Ну почему же, — возразил Тан Буфань. Его взгляд зацепился за покрытую вековой пылью декоративную свечу в форме цифр «520». Сняв ее с полки, он продемонстрировал находку юноше: — Вот тебе и полезный трофей.

Лу И с явным недоумением воззрился на парафиновые загогулины:

— Зачем людям прошлого понадобилось отливать свечи в форме цифр? Обычный прямой фитиль со своей задачей справляется куда лучше.

— Это означает «я люблю тебя», — мягко улыбнулся Тан Буфань, почувствовав себя настоящим хранителем древних тайн. — В древности цифры «пять-два-ноль» по звучанию были очень похожи на эту фразу. Двадцатого мая мы даже устраивали праздник для влюбленных. А такие свечи зажигали на именины или годовщины как символ нежных чувств.

Лу И понимающе кивнул, а Тан Буфань тут же бесцеремонно всучил ему сувенир:

— Держи, это тебе.

Лу И лишь беспомощно улыбнулся, бережно принимая странный парафиновый шифр, пока Тан Буфань, покачивая лампой, увлеченно потрошил соседний стеллаж.

И старания учителя увенчались успехом: среди векового хлама отыскалось немало полезных вещей. Он прихватил изящный фарфоровый сервиз с приборами, парочку крепких керамических кружек и фигурный ночник — его разъем вполне можно было приспособить к бортовой сети фургона. Даже запыленные мягкие игрушки пошли в дело: набивавший их хлопок ценился в эти времена на вес золота.

Лу И отыскал сплетенную из лозы корзину, стряхнул с нее вековую пыль и послушно побрел следом за Тан Буфанем, прилежно выполняя роль оруженосца. Заметив на одной из полок потемневшее от времени медное зеркало, он негромко предложил:

— Учитель, давайте и зеркало заберем. У нас в машине его как раз нет.

Тан Буфань с лукавой усмешкой обернулся к нему:

— Может, тебе еще серьги да бусы присмотреть?

Несмотря на подначку, он все же послушно снял вещицу и опустил в корзину парня.

— Мои серьги и цепочка — это память о маме, единственное, что от нее осталось, — тихо пробурчал Лу И в свое оправдание.

Тан Буфань осекся. Сердце болезненно сжалось, и он поспешил извиниться:

— Прости, ради бога... Я ляпнул не подумав.

— Все в порядке, — Лу И давно смирился с потерей. Он вгляделся в болезненно-бледное лицо Тан Буфана, озаренное зыбким пламенем светильника, и после недолгого молчания негромко добавил: — Когда мама сбросилась с крыши, я был там. Видел все своими глазами.

Тан Буфань промолчал, со страхом и глубоким сочувствием вглядываясь в лицо юноши.

— Среди сторонников Течения Сопротивления процент самоубийств пугающе высок, — Лу И перехватил его взгляд, и в его глазах затеплилась удивительная мягкость. — Я не сумел уберечь маму. Но теперь я могу спасти вас.

В этот момент Тан Буфань наконец осознал, почему этот сильный, угрюмый парень оберегал его с такой отчаянной, почти жертвенной нежностью.

— Вот только отменить законы Федерации мне не под силу, — лицо Лу И помрачнело. — Пока действует этот проклятый Мирный договор, людей так и будут насильно превращать в полузверолоудей. Единственное, что мне доступно — это помогать тем ста беженцам, которые ежегодно прибывают к нам по квоте. Я стараюсь облегчить их адаптацию и сделать так, чтобы они хотя бы нашли себе пару по душе.

Он грустно улыбнулся:

— Два года назад я направил в совет предложение по реформе. Теперь зверолоуды не могут

просто забирать себе понравившихся людей в одностороннем порядке — на специальных встречах они общаются на равных. Конечно, накладки все равно случаются: то несколько зверолодей спорят из-за одного человека, то, наоборот, люди заглядываются на одного и того же зверолода, но это в разы лучше той дикости, что творилась изначально.

Умалчивал он лишь о том, что во время этих встреч многие спасенные им люди внезапно заявляли, что любят именно своего юного защитника, и обещали дождаться его совершеннолетия... От этих признаний у Лу И до сих пор шла кругом голова.

— То есть устроил им там клуб быстрых свиданий? — прыснул Тан Буфань. Но стоило ему договорить, как в голове сошлись нужные детальки. Он замер и принялся пристально разглядывать юного собеседника. — Погоди-ка. Два года назад тебе было всего пятнадцать. И верхушка Федерации прислушалась к совету какого-то мальчишки? Неужели у тебя там настолько высокое положение?

На лице Лу И промелькнуло замешательство. Он поспешно отвел взгляд, скрываясь в неверных тенях масляного светильника:

— Да нет, ничего подобного. Я просто... написал письмо напрямую Верховному правителю Федерации. К счастью, он оказался человеком здравомыслящим.

— Хм, а из тебя вышел бы отличный политик, — уже серьезно заметил Тан Буфань. — Если ты так искренне хочешь помочь людям, разве не логичнее было бы остаться на месте и продвигать реформы изнутри?

— Такие мелкие уступки не способны переломить ситуацию, — тихо вздохнул Лу И, с облегчением заметив, что учитель не стал копать глубже. В его голосе зазвучала застарелая горечь. — Вся эта вражда между нашими расами упирается в биологию. Зверолодам нужны люди для продолжения рода, а люди не хотят подчиняться грубому насилию. Но разорвать Мирный договор — значит обречь зверолодей на вымирание. К тому же человечество слишком сильно зависит от поставок ресурсов, которые наши доставляют в Подземные города. Мы ненавидим друг друга, но не способны выжить порознь. Это замкнутый круг, и как разорвать эту смертоносную петлю, я не знаю.

Именно поэтому он предпочел бежать. Он не хотел воевать против собственной родины, но и содействовать порабощению людей не мог.

— Ого... — Тан Буфань потрясенно покачал головой. — Какая глубина мысли. Это ты у нас такой особенный, или в ваших элитных школах всех пичкают столь сложной философией?

Рядом с таким глубоким юношей простой учитель начальных классов почувствовал себя крайне неловко. С таким собеседником Тан Буфань уже всерьез сомневался, имеет ли он моральное право наставлять его.

Лу И мгновенно смутился, его щеки залил густой румянец:

— Ну что вы... Не смейтесь надо мной, учитель.

— И не думал, я совершенно искренне, — Тан Буфань улыбнулся. Его взгляд случайно зацепился за декоративную розу под стеклянным куполом. Он аккуратно снял ее со стеллажа.

— Держи. Учитель дарит тебе цветочек за примерное поведение, — он с подчеркнuto торжественным видом протянул сувенир Лу И. Будь у него под рукой похвальные наклейки-звездочки, он непременно шлепнул бы одну прямо на лоб этому славному парню.

— Учитель, вы опять со мной как с маленьким... — пробормотал Лу И, смущенно пряча глаза.

В этот момент сквозь разбитое окно ворвался холодный сквозняк пустыни. В ту же секунду Лу И резко подобрался, все его тело превратилось в натянутую струну — воздушный поток принес с собой до боли знакомый, зловещий запах.

Смущение как рукой сняло, румянец мгновенно сошел с лица юноши. Его золотисто-зеленые звериные зрачки сузились в тонкие щелки, когда он впился взглядом в чернеющий проем разбитого окна в глубине магазина. Там, в непроглядной пустоте, не было видно ни души.

Лу И перевел взгляд на Тан Буфania. Ничего не подозревающий мужчина бережно опустил розу в корзину и, придерживая светильник, принялся шарить по соседним полкам.

— О, гляди-ка! Настоящее мыло с эфирными маслами! — Тан Буфань восторженно округлил глаза. — Упаковано-то как роскошно, точь-в-точь как подарочные лунные пряники!

— Учитель, — Лу И бесшумно приник к его уху, обдав горячим дыханием. — Нам нужно вернуться в фургон. Тихо, не привлекая внимания. Сделайте вид, будто ничего не произошло.

Поначалу Тан Буфань растерялся, лишь удивленно моргнув от обжигающего дыхания парня, но стоило ему повернуться и встретиться взглядом с его ледяными, полными смертельной тревоги глазами, как по спине пробежал леденящий мороз.

Он все понял. Тот самый человек пришел. И прямо сейчас он караулил их где-то в темноте.